

ЧЕТЫРЕ СЛОВА

О ЛЮБОСТЯЖАНИИ,

сказанныя на пассяхъ въ теченіе великаго поста
(въ 1876 году).

СЛОВО ТРЕТЬЕ.

Люблай сребро не насытится сребра: и кто насладится во множество его плода? и сіе суета... Сонъ сладокъ работающему, аще мало или много съестъ. а насытившагося богатство не оставляетъ уснуть. Есть недугъ, евоже видѣхъ подъ солнцемъ,—богатство транимо отъ стяжателя въ зло ему, и погибнетъ богатство оно въ попеченіи лукавнѣ: и роди сына и исть въ руцѣ его ничтоже. Якоже изыде изъ чрева матери своея нагъ, возвратится ити, якоже приде и ничтоже возметъ отъ труда своего, да понесетъ въ руцѣ своей. И сіе золъ недугъ: якоже бо приде, тако и отидетъ. И кака польза ему, ако трудится на вѣтрѣ? Ибо вси днѣ его во тьмѣ и плачи, и въ ярости мнозѣ, и въ недугѣ, и въ итвѣ (Еккл. V, 9. 11--16).

Въ прошедшую пятницу, братіе, мы обращали ваше вниманіе на то, что заставляеть насъ исвалъ стяжаній, и оцѣнивали силу и достоинство побужденій, руководящихъ нами въ чинахъ: *збогнѣлости, бѣ, умноженіи, сплѣтѣній. Чинѣ, труновемъ на судъ свой самую страсть любостяжанія и посмотримъ, что такое она сама въ себѣ, по своему существу и что приносить*

она съ собою челоуѣку, поддающемуся ей, въ какое повергаетъ его состояніе.

При широкомъ разливѣ любостяжательной страсти въ нашемъ обществѣ, современный челоуѣкъ не хочетъ видѣть ея безобразія, не чувствуетъ ея тяжести и не бѣжитъ отъ нея. Смѣлымъ и гордымъ шагомъ выступаетъ она среди насъ, и гдѣ является, ее встрѣчаютъ не презрѣніе, не осмѣяніе, не сожалѣніе, а почетъ, одобреніе и поклоненіе. Какъ будто приходитъ она по зову души нашей! Какъ будто сулитъ она намъ только радости и удовольствія! Между тѣмъ богодухновенный проповѣдникъ, словами котораго мы предначала пынѣшнюю бесѣду съ вами, называетъ ее недугомъ и представляетъ недугомъ злымъ или тяжкимъ. Его зрѣніе поражено было видомъ этого недуга, когда онъ наблюдалъ и обозрѣвалъ различныя явленія подъ солнцемъ, и онъ въ наученіе вѣкамъ вписалъ въ святую книгу прочитанныя нами слова, выражающія глубокое сожалѣніе о любостяжателяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ не назвать недугомъ любостяжанія, когда оно вноситъ разстройство въ міръ души нашей и нарушаетъ правильный порядокъ ея жизни? Къ Богу обращена душа наша, живущая Его зиждительнымъ дуновеніемъ; завися всецѣло отъ Него въ своемъ бытіи и въ своихъ дѣйствіяхъ, она влечется къ Нему своими желаніями и упованіями, и отъ Него одного получаетъ полное упокоеніе. А въ любостяжательномъ сердцѣ ослабѣваетъ и замираетъ эта сила, направляющая богозданную душу къ живому Источнику всякаго блага. Оно приковано всѣмъ своимъ существомъ въ мертвому кумиру, и свои надежды и пристрастія сосредоточиваетъ въ холодномъ металѣ или въ бумажныхъ денежныхъ знакахъ: какъ будто они могутъ восполнить то, чего недостаетъ душѣ нашей!—Какъ не назвать болѣзнію любостяжанія, когда для него тяжелы, когда ему противны основныя правила закона, отъ

соблюдения которыхъ зависитъ наша нравственная цѣлость и наше душевное здоровье,—именно самоотверженіе и любовь къ ближнимъ, простирающаяся до пожертвованія всёми своимъ состояніемъ? Какъ не назвать любостязанія болѣзнію, когда оно, овладѣвая душою, производитъ томленія, не испытываемыя нами при правильномъ теченіи нашей жизни? Слова Екклезіаста, нами приведенныя, взяты съ опыта и постоянно оправдываются опытомъ.

Екклезіасту жалкою суетою представляется работа любостязательнаго. Онъ ищетъ удовлетворенія своимъ желаніямъ, и не находитъ его; стяжаніями онъ думаетъ обезопасить свой покой, и создаетъ себѣ хлопоты; для наслажденій онъ собираетъ богатство, а въ замѣнъ того встрѣчаетъ лишенія.

Любляи сребро не насытитися сребра. Сребро или богатство то имѣетъ свойство, что по мѣрѣ увеличенія его усиливается въ человѣкѣ жажда къ нему. Нынѣ мой или вашъ знакомый думаетъ о сотняхъ. Но вотъ онъ приобрѣлъ искомыя сотни: не успѣвъ почувствовать минутнаго удовольствія, онъ испытываетъ новую и болѣе сильную алчбу,—онъ хочетъ тысячъ. Сотни казались ему достаточнымъ капиталомъ только тогда, когда онъ, ничего не имѣя, ласкалъ ими свое воображеніе. Явятся тысячи и станутъ достояніемъ ищущаго ихъ. Думаете, удовлетворится онъ ими? Тысячи имѣли важность для воображенія, издали мечтающаго о нихъ, а когда онъ есть въ дѣйствительности, по прежнему ощущается пустота въ душѣ. Воображеніе, какъ бичомъ гонимое страстію, бѣжитъ все далѣе и далѣе, и нѣтъ предѣла, на которомъ бы остановилась душа, пресытившись приобретеніями. Любостязаніе—это червь, все пожирающій и никогда не насыщаемый. Вы будете питать его; онъ будетъ расти и размножаться съ быстротою изумительною, и будетъ мучить васъ все новыми и новыми все большими и большими требованіями. Будете поддаваться

этимъ требованіямъ, вы не замѣтите, какъ разовьются внутри васъ цѣлыя вучи пожирающихъ червей, которые не будутъ давать вамъ покоя.—Понятна причина, по которой мы не можемъ насытиться серебромъ, какъ бы ни было много его у насъ. Душа наша можетъ питаться чѣмъ нибудь живымъ, чѣмъ нибудь однороднымъ ей, чѣмъ нибудь болѣе полнымъ, чѣмъ она. А какъ можетъ напитать ее бездушное серебро, не имѣющее въ себѣ мысли и духовнаго содержанія, и не могущее быть принятымъ душою? Только въ оболоченіи страсти душа можетъ искать чего нибудь для себя въ томъ, что для нея не существуетъ.

Сонъ сладокъ работающему, аще мало или много спитъ: а насытившаяся богатство не оставляетъ уснуть. Все днѣе ея въ тѣнь и плачи, и въ ярости мнози, и въ недугъ, и въ мѣтъ. Для покоя ищутъ богатства; а путь, ведущій къ нему, усѣянъ весь тревогами и приводитъ къ тревогамъ. Стяжанія не даются даромъ, нейдутъ прямо въ руки. Душа, гонящаяся за ними, какъ въ вихрѣ кружится день и ночь. Заботливыя и безпокойныя думы неотвязчиво преслѣдуютъ ее на всѣхъ путяхъ ея. Ищущій средствъ къ обогащенію перебираетъ въ головѣ своей разныя предположенія и планы. Завякъ онъ однимъ дѣломъ; медленно ведетъ ово къ цѣли, не такъ щедро вознаграждаетъ его, какъ бы хотѣлось: онъ догадываетъ и негодуетъ. Чужая удача возбуждаетъ въ немъ рвеніе: онъ готовъ бросить то, чѣмъ началъ заниматься, и съ тоскою и безпокойствомъ смотритъ на путь другаго. Ошибки въ предположеніяхъ, большія предполагаемыхъ затраты на намѣченное дѣло, меньшія ожидаемыхъ выгоды отъ него—обыкновенное явленіе въ нашей жизни. Но когда есть любостязательная страсть въ душѣ, все это слишкомъ обильно дѣйствуетъ на нее и мутитъ ее. Человѣкъ однимъ своими силами не можетъ совершить ни одного выгоднаго предпріятія;

въ каждомъ дѣлѣ ему необходимо содѣйствіе другихъ. Строить ли онъ домъ для выгоды: ему необходимо имѣть дѣло съ рабочими, ему нужно у разныхъ лицъ покупать матеріалы строительныя. Имѣеть ли поле, изъ котораго извлекаетъ средства къ обогащенію; къ чужому труду онъ долженъ прибѣгать, чтобы убрать произведенія земли, чужаго посредства искать, чтобы продать ихъ и обратитъ въ деньги. И тутъ-то поводъ для нескончаемаго гнѣва и многой ярости. Человѣка смущаетъ высокая плата, какой требуетъ отъ него рабочій или купецъ; онъ выходитъ изъ себя, когда видятъ лѣнивый трудъ поденщика или неаккуратное выполненіе той или другой работы, или когда говорятъ ему о недоброкачественности или высокой цѣнѣ матеріаловъ, имъ для себя пріобрѣтенныхъ. Онъ безпокоится, когда ему предлагаютъ за его произведенія цѣну меньшую той, какую онъ ожидалъ, или когда пропускаетъ благопріятное время для выгодной продажи своего и выгодной дешевой покупки чужаго. Тысячи такихъ случаевъ у человѣка, который ищетъ богатствъ. Опасенія, тяжелыя чувства, неровныя біенія сердца и частые взрывы взволнованной души—вотъ изъ чего слагаются дни его. Часто иные съ завистію смотрятъ на то, какъ одинъ ихъ знакомый построилъ огромный домъ, приносящій ему большой доходъ, другой купилъ большое выгодное имѣніе, у третьяго положенъ былъ въ ростъ значительный капиталъ. Не думайте, что эти блага дались имъ безъ изнурительныхъ хлопотъ. Спросите ихъ, и они, можетъ быть, расскажутъ вамъ, съ какими мученіями, съ какими тяжелыми колебаніями, съ какими непріятностями соединенъ былъ путь къ этимъ стяжаніямъ. Красивъ видъ владѣнія; но исторія его пріобрѣтенія многосложная повѣсть, смоченная потомъ и слезами.

Рядъ хлопотъ и безпокойствъ не кончается у любостяжательнаго, когда вы видите его владѣльцемъ богатства, дающаго ему средства для роскошной жизни. И тогда, по слову

Еклезіаста, нѣтъ у него мирнаго сна: простой работникъ, сладко засыпающій послѣ дневнаго труда и послѣ своей скудной трапезы, кажется ему счастливѣе богача, который не можетъ беззаботно уснуть и послѣ своего роскошнаго стола. Чѣмъ больше и разнообразіе его имущество, тѣмъ больше безпокойныхъ заботъ возлагаетъ оно, и изъ за него корыстолюбецъ суетится больше, чѣмъ человѣкъ, поденною работою добывающій себѣ кусокъ хлѣба. Его отягощаютъ и избытки его приобретеній: ими онъ болѣе озабоченъ, чѣмъ другой удовлетвореніемъ насущныхъ нуждъ своихъ. Страсть не позволяетъ ему пользоваться ими съ спокойнымъ духомъ и съ благодарностію Богу, все обильно дающему намъ. Новыя приобретения рождаютъ въ немъ новыя болѣзни: какъ лучше распорядиться ими, куда дѣть ихъ, чтобы они приносили болѣе процентъ? Онъ отдаетъ ихъ въ частное казнохранилище, и съ безпокойствомъ освѣдомляется, надежны ли дѣла этого казнохранилища. Если пронесется какой либо слухъ, неблагопріятный для того учрежденія, въ которомъ онъ участвуетъ своимъ капиталомъ (ложный или справедливый,—это все равно), онъ не спитъ ночей, спѣдается жалостію, зачѣмъ вложилъ свой капиталъ въ то учрежденіе, которому угрожаетъ, можетъ быть, мнимая опасность, и мучится опасеніями за воображаемую потерю болѣе, чѣмъ за дѣйствительную. Далъ онъ сеуду частному лицу; тутъ опять заботы о томъ, вѣрны ли залогъ, безъ которыхъ корыстолюбецъ не расположенъ давать въ займы другому, исправенъ ли будетъ должникъ. Приходитъ срокъ уплаты долга,—съ каждымъ днемъ приближенія этого срока увеличивается въ душѣ тревога, и ей нѣтъ мѣры, когда нѣтъ условленной платы въ опредѣленный срокъ, и когда при этомъ нельзя воспользоваться залогомъ. Обращаетъ въ домъ свой капиталъ любостяжатель? Его тяготятъ неизбежныя расходы для поддержанія дома, понъ, какъ

послѣдній бѣднякъ, ропщетъ и жалуется на тѣ налоги, какіе взымаетъ съ него казна или общественное управленіе. Мѣсяць или два стоятъ пустыми его помѣщенія,—онъ вздыхаетъ и оплакиваетъ свои потери; заняты его помѣщенія,—опять горе: то кажется ему, что онъ мало, меньше другихъ беретъ за эти помѣщенія; то неисправно доставляютъ ему плату за наемъ, то неаккуратно содержать домъ, то предъявляютъ требованія, для удовлетворенія которыхъ необходимы новыя затраты. Есть у него поле или нивы? Онъ не радъ ведру; при немъ грезится ему засуха; онъ боится и тучи: малѣйшее облаво ему угрожаетъ градомъ. И не перечесть, сколько онъ выстрадаетъ въ періодъ отъ сѣянія до собиранія плодовъ. Но вотъ онъ собралъ обильную жатву. Снова тоскливыя мысли; при урожаѣ понижается цѣна на произведенія земли, и убавляется требованіе на нихъ. Что же дѣлать? Куда дѣть собранное? «Кто не пожалѣетъ (скажемъ словами св. Василія Великаго¹⁾),—кто не пожалѣетъ о человѣкѣ, который находится въ такомъ стѣснительномъ положеніи? Жалкимъ дѣлаетъ его урожай, жалкимъ дѣлаютъ настоящія блага, и еще болѣе жалкимъ дѣлаетъ ожидаемое. Земля ему приноситъ не дары, но произращаетъ воздыханія; не урожай плодовъ доставляетъ она, но заботы и скорби и страшное затрудненіе. Онъ сѣтуетъ подобно бѣднякамъ, и не то же ли самое слышимъ отъ него, что и отъ человѣка, стѣсненнаго нищетою? *Что сотворю? Откуда возьму пропитаніе? Откуда возьму одежду? Тоже говоритъ и богатый, мучится въ сердцѣ, свѣдаемый заботою. Что веселитъ другихъ, отъ того сохнетъ любостяжательный: не радуется его, что все у него въ домѣ наполнено; но текущее къ нему и льющееся чрезъ края хранилищъ богатство язвляетъ душу*

1) Бес. на слова изъ Евангелія отъ Луки (XII, 18): *разорю житницы моя и большія созижду, и о любостяжательности.*

его, опасеніемъ, чтобы не перепало чего нибудь постороннимъ». При такомъ настроеніи даже посѣщеніе желаннаго друга кажется любостяжателю зловѣщимъ. Сердцу, погрязшему въ стяжаніяхъ, такъ и чувствуется, что этотъ другъ пришелъ за его добромъ, и еще нѣтъ объ этомъ и намека, а онъ уже подбieraетъ въ головѣ своей разные предлоги, подъ которыми бы благовидно можно было отказать воображаемой просьбѣ. Не даромъ премудрый сынъ Сираховъ замѣчалъ, что богатство или забота о немъ изнуряетъ и иссушаетъ плоть человѣка, и окруженный видимымъ довольствомъ дѣлается топчимъ, сухимъ и болѣзненнымъ (Сир. XXXI, 1).

Что же бываетъ концемъ или плодомъ такихъ изсушающихъ и изнуряющихъ заботъ о богатствѣ? На это отвѣчаетъ Соломонъ словами: *погибнетъ богатство оно въ попеченіи лукавнѣ; и роди сына, и нѣсть въ руцѣ его ничтоже*. Не съ вѣтру взято, не выдумано зря это слово Екклезіаста. Каждому изъ насъ память можетъ указать не одного человѣка, который цѣлую жизнь собиралъ и копилъ себѣ богатство, подвергалъ себя изъ-за него разнымъ неприятностямъ, отказывалъ себѣ не только въ полезномъ и пріятномъ, но и въ необходимомъ, предполагая насладиться въ будущемъ. И что же? Случайная ярость стихій, или военное смятеніе, или хищническая дерзость татей, или ловкій обманъ людей вечестныхъ постигаютъ его, и человѣкъ въ одинъ мигъ теряетъ все, нажитое годами страданій и лишеній, и въ этомъ состояніи испытываетъ такую горестъ, о какой и не имѣетъ понятія бѣднякъ, ничего не имѣющій,—и возбуждаетъ тѣмъ большую жалость, чѣмъ больше его сердце лежало къ потерявшему сокровищу. Или вдругъ умираетъ стяжатель, почивавшій на сокровищахъ,—и прахомъ разлетается по воздуху бережно хранимое богатство, попадаетъ въ злыя или расточительныя руки, и, разбиваясь на мелкія части, безслѣдно исчезаетъ въ общемъ

круговоротъ жизни,—и не вызвано имъ ни слова благодарности, ни чувства удовольствія.—Но не нужно быть непременно этой случайности, чтобы оправдалось слово Соломона и погибало богатство, хранимое въ рукахъ стяжателя. Кромѣ ярости стихій, кромѣ руки тати, кромѣ смерти есть еще хищникъ, болѣе близкій къ стяжателю и болѣе опасный для него,—это самая страсть корыстолюбія. Когда усиливается она (а она усиливается непременно по мѣрѣ накопленія сокровищъ въ рукахъ человѣка), она дѣлается жестокимъ и немилосердымъ тираномъ. По ся велѣнію, богатство изъ подвижнаго средства къ удовлетворенію потребностей претворяется въ мертвый и неподвижный капиталъ, котораго боится коснуться самъ обладатель, хотя бы онъ разрастался въ цѣлую гору, и хотя бы открывались у обладателя его самыя настоятельныя нужды. Все для будущаго, существующаго въ неопредѣленной дали, трудится любостяжатель, а въ настоящемъ, которымъ мы живемъ, онъ почти ничѣмъ не пользуется, боясь тратами на что либо уменьшить или сократить любимое имъ богатство. У себя самаго крадетъ онъ, отъ себя самаго бережеть онъ свое имѣніе, чтобы не употребить его на какое либо добро. И вотъ среди изобилія богатствъ у него множество лишений, неизвѣстныхъ и бѣдному. Бѣдный, свободный отъ корыстолюбія, пріобрѣлъ немногое, употребивъ это на пищу и одежду, и пользуется тѣмъ во славу и благодареніе Богу. А богатому корыстолюбцу жаль разстаться и съ частию избытковъ своихъ, когда жизнь и тѣло заявляютъ предъ нимъ свои требованія, и чувство горечи примѣшивается у него ко всѣмъ удовольствіямъ, требующимъ денегъ. Самая сладкая пища дѣлается для него горькою, когда онъ подумаетъ, что эта пища куплена цѣною уменьшенія его имѣнія. Каждая новая одежда мучитъ и смущаетъ его болѣе, чѣмъ ветхая и раздранная; потому что напоминаетъ ему о непріятныхъ для него расходахъ. Нѣтъ

вещи въ мірѣ, на которую бы онъ съ охотою и радостію промѣнялъ хоть малѣйшую часть своего богатства. Ему хочется, чтобы все передъ нимъ превратилось въ золото или денежные бумаги, приносящія ростъ, и чтобы это золото или эти бумаги не убавлялись, а съ каждымъ годомъ, если не днемъ, возрастали и увеличивались. Но что за польза, что за удовольствие смотрѣть на золото или денежные бумаги, и не пользоваться ими? Знать, что они есть у меня, и бояться прикоснуться къ нимъ? Не неразуміе ли, не наказаніе ли, не самобичеваніе ли это? Это все равно, какъ еслибы человѣкъ стоялъ надъ водою, чувствовалъ сильнѣйшую жажду, и не смѣлъ пить воду, предъ нимъ открытую,—былъ окруженъ роскошными яствами, и не могъ удовлетворять ими своего голода, видѣлъ предъ собою одежды, и не могъ прикрыть ими наготы своей.

Отъ человѣка, подвергающаго себя добровольнымъ лишеніямъ при большомъ богатствѣ, не ожидайте добра и для другихъ. Любостяжатель хочетъ, чтобы ему другіе давали что нужно, а самъ онъ не раскрываетъ для ближняго своихъ сокровищъ. Мы не говоримъ уже о постороннихъ, поддерживать которыхъ онъ не считаетъ прямою своею обязанностію. Отъ него терпятъ незаслуженную нужду его домашніе, и онъ не хочетъ раздѣлять съ ними радостей жизни, какія могли бы быть доступны для него по его состоянію. Родилъ онъ сына,—это Божіе благословеніе для него служитъ наказаніемъ, и онъ не радъ ему; потому что одно явленіе его заставляетъ его тревожить свои сокровища. Возрастаетъ этотъ сынъ,—въ рукахъ его ничтоже, по слову Екклесіаста. Любостяжатель стѣсняетъ, ограничиваетъ его желанія и потребности, и сынъ любостяжательнаго богача часто больше нуждается, чѣмъ сынъ человѣка малоимущаго, но готовато все удѣлить своему порожденію. Въ годы юности заброшено бываетъ его воспитаніе и образованіе, когда у его родителя деньги считаются дороже

всего на свѣтъ, и въ этомъ слѣпая отцовская корысть напо-
сильтъ такой уронъ сыновнему благу, котораго потомъ нельзя
будеть вознаградить и замѣнить никакими тысячами позднѣй-
шаго наслѣдства.

Какія тщетныя стремленія и заботы у человѣка (думаетъ
при видѣ богатства, бережно хранимаго въ рукахъ стяжателя,
руководящій нами вселенскій проповѣдникъ)! Сколько ни люби
онъ свое сокровище,---оно не сдѣлается частію его существа,
ничѣмъ не наполнить пустой души его! Сколько ни прижи-
май его къ своему сердцу, оно не дастъ ему никакого отъли-
ка, не повѣстъ на него живительною теплотою. *Якоже изыде
изъ чрева матере своя кая, возвратится ити, якоже при-
иде, и ничтоже возьметъ отъ труда своего, да понесетъ въ
руцѣ своей. И кая польза ему, яко трудится на вѣтрѣ?*
Бьется онъ изо всѣхъ силъ, собирая имѣніе, терпитъ лишения,
не имѣетъ мирнаго сна, оберегая его. А изъ за чего? Когда
небудь нужно будетъ разстаться съ нимъ. Онъ не возьметъ
его съ собой въ могилу, и оно не продолжитъ ему жизни,
не улучшить и не украсить его положенія за гробомъ. Не-
многого понадобится ему изъ его имѣнія, когда придетъ оче-
редь сводить итоги всѣхъ приобрѣтеній, сдѣланныхъ имъ въ
теченіе всей суетливой жизни. Двѣ или три доски для гроба,
которыя всегда найдутся и для бѣднаго, и нѣсколько локтей
земли для прикрытія охладѣвшаго трупа. Можетъ быть, за
скопленное богатство почтять стяжателя пышными похоронами,
бархатомъ украсятъ гробъ его, съ ликами и тимпанами въ
торжественной процессіи проводятъ его на кладбище для со-
крытія въ нѣдрахъ земли. Но ужели богатство стяжателя со-
бирается и сберегается для такой чести, которая для него
равно не имѣетъ никакого значенія, и которой онъ уже не
можетъ чувствовать? Чѣмъ собирать это гибнущее богатство,
не лучше ли заботиться о душѣ своей и ее обогащать добрыми

дѣлами, съ которыми она можетъ идти и на тотъ свѣтъ, и которыя могутъ привлечь на неѣ благословеніе общаго Судн всѣхъ въ страшный день послѣдняго суда? И имѣніе, собранное въ рукахъ нашихъ, можетъ быть средствомъ къ такому обогащенію. Только не прилѣпляйся къ нему сердцемъ, не держи его безъ пользы въ сундукахъ казнохранилища. Отвержи его любовію, и ты увидишь, какъ много добрыхъ плодовъ принесетъ оно, какъ много сердець расположитъ въ тебѣ, какъ много молитвъ будетъ возсылаться за тебя! Ты почувствуешь, что самъ Богъ съ благоволеніемъ будетъ взирать на тебя, какъ на вѣрнаго пристаивика дому своего: это благоволеніе оградитъ въ тебѣ тѣмъ благодатнымъ миромъ и спокойствіемъ, которыхъ напрасно ищеть себялюбивый корыстолюбець, думающій утаить отъ Всевѣдущаго дары, данныя ему для добраго употребленія. Господь къ Себѣ относитъ все то, что мы по чувству челоѣколюбія даемъ алчущему, жаждущему, больному и заключенному въ темницѣ, и обѣщаетъ царство небное въ награду тому, кто не оставляетъ безъ призора меньшихъ братій своихъ, и употребляетъ часть избытка своего на облегченіе нужды ихъ (Матѣ. XXV, 34—36). Помни это обѣтованіе, христіанинъ, и не затворяй для себя своєю корыстію обѣтованнаго тебѣ царства. Если тебя смущаетъ при этомъ опасеніе за свое собственное благосостояніе въ случаѣ троей щедрости, предписываемой тебѣ Господемъ и закономъ любви, успокойся тѣмъ, оправданнымъ многолѣтними опытами, зафривіемъ, по которому *рука дающая не оскудѣетъ. Я не видѣлъ праведника оставленнымъ* (говорилъ св. Давидъ), и *дѣтей его просищими хлѣба* (Псал, XXXVI, 25). Амѣнь.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ.

*Вижьдъ, имънній рачителю, силъ ради удавленіе употре-
бивша: бѣжи насытыи души, Учителю таковая дерзнувшія.*

Троп. на великій четвертовъ.

Вотъ къ чему приводитъ страсть любостязанія! Апостоль, одинъ изъ двѣнадцати, удостоенный особенной близости къ Господу, раздѣлявшій съ Нимъ труды и бесѣды, участвовавшій въ вечери Его, тотчасъ же послѣ вечери дѣлается предателемъ своего Учителя, въ надеждѣ получить за это нѣсколько сребренниковъ, и затѣмъ, отъ признанія своего низкаго поступка, послужившаго началомъ неправеднаго суда и жестокой, поносной казни Праведника, приходятъ въ страшное угрызеніе совѣсти и отчаяніе, и подъ давленіемъ тяжелыхъ мыслей налагаетъ на себя руки и впадаетъ во дно адаво. А мы такъ легко относимся къ этой страсти и думаемъ, что любовь и стремленіе къ стяжаніямъ дѣло безопасное, что, нося эту страсть въ сердцѣ, мы можемъ быть людьми чистыми и далеки отъ пути погубельнаго.

Нѣтъ, путь, на который любостязаніе привело Іуду и по которому онъ дошелъ до своего ужаснаго жребія,—путь всѣхъ корыстолюбцевъ. Одинъ идетъ по нему быстрѣе, другой медленнѣе; одинъ проходитъ половину этого пути, другой меньшую, третій большую часть его. Но сколько бы стадій ни прошелъ кто по нему, для всѣхъ онъ опасенъ и всѣмъ угрожаетъ гибелію. И ты, мой ближній, если дорожишь цѣлостію души своей и заботишься о ея благѣ, смотри на примѣръ Іуды и избѣгай его опаснаго и губельнаго пути.

Страсть Іудина незамѣтно можетъ вторгнуться въ душу; но, вторгшись въ душу, она сильна отнять у нея ея богозданную красоту, честь, правду и добродѣтель, и исказить ея чистый ликъ. При

ней уже не свободна душа: какъ въ тѣлѣ, пораженномъ язвою, въ ней чувствуется болѣзненный зудъ, къ узавленному мѣсту невольно приковывается ея напряженное вниманіе, и теряется въ ней тогъ широкій открытый взоръ, который она, въ свободѣ отъ прилога страсти, съ полною преданностію обращала къ Богу, съ полными благожеланіями къ ближнему своему, и съ полнымъ спокойствіемъ на жребій, ей предуказанный. Темные помыслы, одинъ за другимъ, возникаютъ въ душѣ, объятай страстію, и хотя они не переходятъ въ дѣйствіе, оставаясь только помыслами, — одно явленіе ихъ на поверхности души уже отгоняетъ чистоту сердечную, стѣсняетъ и давитъ святые желанія, выходящіи изъ области денежныхъ или матеріальныхъ интересовъ. А кто знаетъ, куда поведетъ или чѣмъ разрѣшится частое возникновеніе ихъ во внутреннемъ мірѣ души вашей, при извѣстной слабости нашей воли? Отъ опасныхъ дѣйствій любостязательной страсти не спасаетъ ни видимое благочестіе, ни естественная честность, которая нынѣ многими ставится выше благочестія. Мы можемъ съ полнымъ самодовольствомъ заглядывать въ свою душу, не осверженную черными прѣступленіями, а жало страсти, малое и невидное даже для насъ, незамѣтно пускаетъ въ наше сердце свой разрушительный ядъ. Мы руководимся честными правилами жизни; насъ не могутъ упрекнуть въ открытыхъ нарушеніяхъ закона и долга по отношенію къ ближнему. Но на путяхъ жизни столько разныхъ столкновеній, столько непредвидѣнныхъ искушеній, что можетъ спотыкаться самая хваленая и самонадѣянная честность, когда любостязательный расчетъ будетъ оказывать давленіе на нашу волю. Душѣ человѣка, постоянно дѣйствующей и движущейся, невозможно стоять на одномъ мѣстѣ: она или возвышается и идетъ къ совершенству, или понижается и падаетъ. Возвышеніе ея легко и удобно, когда она освобождается отъ всѣхъ пристрастій, притягивающихъ ее долу, когда

она охотно жертвуетъ всёю своимъ и Богу, и людямъ, и вмѣсто бременной тяжести плоти приобрѣтаетъ ангельскія крылья любви, самоотверженной и благотворительной. Но любостязаніе, какъ всёю намъ хорошо извѣстно, сдерживаетъ руку, готовую приносить жертву для Бога и для блага ближняго; оно, напротивъ, само требуетъ жертвъ отъ другихъ, и какъ камень, повѣшенный на шею, тянетъ своего обладателя внизъ, къ землѣ, изъ которой добывается все, составляющее предметъ желаній и радости сребролюбца.—Въ Евангеліи упоминается одинъ богатый юноша, могущій служить примѣромъ того, что значить, и какъ опасна любовь къ стяжаніямъ, при видимой безупречности человѣка. Онъ не сознавалъ за собою никакого пятна; ни въ чемъ не могли упрекнуть его и другіе. Не боясь упрека въ лицемеріи, онъ открыто свидѣтельствовалъ предъ Спасителемъ, что постоянно старался соблюдать всё заповѣди закона Божія. Но этого было мало для него: онъ хотѣлъ высшаго совершенства и, движимый этимъ достойнымъ желаніемъ, подходитъ къ Учителю (Господу Іисусу Христу), и спрашиваетъ Его, что еще нужно сдѣлать, чтобы наследовать животъ вѣчный. Спаситель (сказано въ Евангеліи, Марк. X, 21) съ любовію посмотрѣлъ на этого ревнителя добродѣтели. Видно было, что желаніе высшаго нравственнаго совершенства съ его стороны было искреннее и сердечное. Но что же? Когда Спаситель сказалъ ему: *аще хочешь совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и имѣти имаша сокровище на небеси: и гряди въ слѣдъ Мене* (Матѣ. XIX, 21), ревнитель благочестія, выслушавши это, съ скорбію отошелъ отъ Спасителя; потому что имѣлъ большія стяжанія, съ которыми не хотѣлось ему разстаться (Матѣ. XIX, 16—22. Марк. X, 17—22. Лук. XVIII, 18—23). Спасительный совѣтъ коснулся дремавшей въ немъ страсти, и она послужила препятствіемъ къ высшему преуспѣванію юноши, своею жизнію и

своими добрыми стремленіями обратившаго было на себя благосклонное вниманіе Господа. Помысль корыстолюбія, какъ черная туча, омрачила ясное небо его души,—и уже не стало въ ней прежней чистоты и совершенства. Пропали въ ней возвышенныя стремленія: человекъ вмѣсто духа, возносившагося къ небу, сталъ перстію земной, падающею долу. Отъ любви и пристрастія къ богатству началось паденіе нравственнаго юноши съ видимой высоты, на которой стоялъ онъ, и она, эта любовь къ богатству, затруднила ему путь въ царство Божіе. Видя, какъ скоро и легко богатый юноша промѣнялъ животъ вѣчный, имъ искомый, на временныя стяжанія, ему доставшіяся, Спаситель замѣтилъ къ общему назиданію всѣхъ послѣдующихъ поколѣній: *какъ трудно имѣющимъ богатство (или собственно пристрастнымъ къ богатству) войти въ царствіе Божіе! Ибо удобнѣе верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти въ царствіе Божіе* (Лук. XVIII, 24—25).

Не въ одномъ отдаленномъ примѣрѣ евангельскаго юноши,—въ явленіяхъ, насъ окружающихъ, вы можете видѣть, какъ часто любостяжаніе отнимаетъ у чести и добродѣтели многихъ достойныхъ членовъ общества. Вотъ человекъ, начинающій службу обществу или государству, полный самыхъ честныхъ намѣреній и усердія къ дѣлу. Его одушевленіе къ общему благу, его ревность во правдѣ обращаютъ на него вниманіе, у всѣхъ списываютъ ему расположеніе и уваженіе и возбуждаютъ большія надежды. Но не успѣли вы налюбоваться добрымъ началомъ служенія, какъ человека, возбудившаго большія ожиданія, заставляютъ свернуть съ красной дороги чести и правды подкравшіяся къ нему любостяжательныя помыслы. То у него являются нужды, которымъ онъ затрудняется удовлетворять изъ получаемаго имъ содержанія; то къ нему обращаютъ требованія, превышающія его средства,

домашніе. То онъ видитъ, что другіе люди въ его положеніи, съ менѣе щекотливою совѣстію, живутъ лучше—достаточнѣе и веселѣе, чѣмъ онъ; то его соблазняетъ легкость наживы отъ приношеній, такъ знакомыхъ нашимъ прежнимъ служилымъ людямъ. И онъ, вслѣдствіе побужденій подобнаго рода, вступаетъ на путь, прежде такъ ему противный, сначала съ колебаніями и робостію, а потомъ смѣло и беззастрѣчно идетъ по нему, медля дѣлать должное безъ вещественныхъ поощреній къ этому, и мало по малу привыкаетъ торговать закономъ, злоупотреблять властію и совершать неправду тамъ, куда являються люди для возстановленія нарушенной правды. Исторія эта еще въ свѣжеей памяти у насъ, и мы готовы поклоняться, какъ необыкновенному человѣку, тому дѣятелю правды, который твердо и неуклонно держитъ знамя безкорыстнаго служенія обществу, и другихъ увлекаетъ за собою.—Или обратите вниманіе на другой путь жизни, на которомъ совершается торговая мѣна произведеній земли и рукъ человѣческихъ. Это такой же честный и достойный родъ служенія обществу, какъ и другіе пути и званія общественныя. Но духъ корысти, любящій витать около этого пути, производитъ то, что часто, по слову Сираха, среди продаванія и купли совершается грѣхъ, какъ между связью камней вонзается колъ (Сир. XXVII, 2), и на мѣстѣ честной мѣны вещей произрастаетъ обманъ.—Итакъ бѣги любостыжанія, братъ мой, гдѣ бы ты ни былъ поставленъ, если хочешь сохранить чистою свою душу, честнымъ и безупречнымъ свое имя и служеніе.

Расширяемъ кругозоръ и представимъ, что дѣлается не въ одномъ человѣкѣ, а въ цѣломъ поколѣніи или народѣ, въ которомъ любостыжаніе, даже не развившееся до послѣднихъ степеней, получаетъ значеніе главной опредѣляющей силы всѣхъ дѣйствій. Среди него растутъ плевелы недовольства, сѣмные неудовлетворенными стяжательными желаніями. Въ немъ глож-

нуть небесныя насажденія, — стремленія къ высшему благу, исканіе святой истины для насыщенія души, забота объ охраненіи вѣрующаго сердца и воспитаніи духовнаго человѣка; потому что выдвигаются на верхъ плотскія, матеріальныя желанія и расчеты. Въ немъ не видны, въ немъ вымираютъ герои, приносящіе жертвы на алтарь отечества, скромно совершающіе всякія дѣла, по сознанію долга, безъ всякихъ расчетовъ на вознагражденіе. А такія лица составляютъ украшеніе родовъ и поколѣній; это то святое сѣмя, которымъ стоитъ и которымъ движется впередъ историческій народъ. Въмѣсто нихъ являються наемники, въ трудѣ которыхъ нѣтъ одушевленія, нѣтъ полной преданности дѣлу, къ которому они приставлены. Среди него не видно подвига, блистательнаго дѣла, въ которое тотъ или другой человѣкъ изъ народа или поволенія полагаетъ всю свою душу, которому онъ отдаетъ всю свою любовь. Въмѣсто подвига вы видите бездушную работу: она можетъ быть болѣе или менѣе исправна, но въ ней нѣтъ души, величія и силы. А жизнь безъ подвига, при всей механической исправности ея отпавленій, не веселитъ взора историка и не возбуждаетъ надеждъ въ любителей человѣчества. Не ожидайте отъ него безкорыстной преданности общему благу. Личный интересъ для него дороже всего, и имъ онъ не пожертвуетъ благу народа, когда того будетъ требовать общественная нужда. Среди него, и при опасностяхъ отечества, можно купить измену и предательство, и изъ самыхъ бѣдствій своего народа представители зараженнаго любостязаніемъ поколѣнія стараются извлекать себѣ выгоду. Исторія представляетъ частыя бранныя столкновенія народовъ: при этихъ столкновеніяхъ самыми зловѣщими признаками для народа служатъ не случайныя пораженія, послѣ которыхъ возможно поправленіе, а умноженіе въ немъ продажныхъ душъ, бьющихся болѣе любовью

къ деньгамъ, чѣмъ любовію къ отечеству; потому что это выраженіе внутренняго разложенія народной силы.

Но пойдѣмъ далѣе по слѣдамъ, оставляемымъ въ жизни страстію любостыжанія. Усиливаясь, она не только отнимаетъ у человѣка честь, правду и чистоту души, не только ослабляетъ силы, поднимающія народъ на высоту исторіи, но влечетъ человѣка въ бѣдствіе и пагубу и приводитъ къ преступленіямъ, совершенно разстроивающимъ законный порядокъ жизни.

Хотящій богатится, по слову апостола Павла, упадаетъ въ напасть и споты, и въ похоти многи несмысленны и вреждающія, лже погружаютъ человека во всегубительство и пагубу (1 Тим. VI, 9). Поработивши себѣ душу, стяжательная страсть много самолюбивыхъ желаній раждаетъ въ ней и заставляетъ ее служить этимъ желаніямъ, не соображая послѣдствій, къ какимъ приводятъ эти желанія. Ненасытный глазъ ея не довольствуется тѣмъ, что принадлежитъ ей по праву: зорко высматривая то, чѣмъ можно увеличить сдѣланныя приобрѣтенія, она вынуждаетъ человѣка дѣлать посягательство на чужое или общественное добро, въѣренное его охраненію или распоряженію, если это можно сдѣлать безъ видимаго соблазна. Не можетъ не тревожить совѣсть душу человѣка за нарушеніе требованій правды или закона. А если и смолкнетъ совѣсть или заглушится ея голосъ шумомъ страсти или расчетами поврежденнаго разсудка,—будетъ преслѣдовать нарушившаго право боязнь, какъ бы не открылась нечистота его поступка, и онъ долженъ думать о мѣрахъ къ сокращенію нечистоты своего дѣянія. Привычка побѣдить боязнь; но въ то время, когда человѣкъ чувствуетъ себя безопаснымъ и спокойнымъ, какой либо случай открываетъ многое, совершенное въ тайнѣ, и нечаянно приходитъ пагуба: преслѣдованіе отъ закона, взысканіе отъ власти презрѣніе отъ общественнаго мнѣнія. И тогда-то люди, при видѣ той дебри, въ какую за-

влекла ихъ страсть, съ малодушія и отчаянія, по примѣру Іуды, готовы бываютъ положить на себя руки, проеливая день, приведшій ихъ на путь беззаконія.— Или стоитъ на пути человѣку, при его стремленіи къ стяжаніямъ, его ближній, по праву наслѣдства или по праву собственности желающій удержать часть богатства, его прельстившую или вужную ему для округленія его имѣній. Любостяжаніе вооружаетъ его противъ брата своего и гонитъ далеко отъ него тотъ сладкій міръ, дороже котораго едвали что есть на землѣ. Поднимаются ссоры, жалобы и тяжбы, въ которыхъ, какъ въ сѣтяхъ, запутывается человѣкъ, и которыя истощаютъ его, часто не доводя до желанной цѣли. И вотъ, на открытомъ попріщѣ жизни, какъ хищные звѣри, рвутъ иногда другъ друга близкіе люди изъ-за какого либо мегалла или куска, не могущаго дать имъ никакого блага.— Нѣтъ такой крѣпкой и священной связи, которой бы не могла порвать темная сила любостяжанія. На что ближе людей, возросшихъ подъ одною отеческою кровлею, вскормленныхъ однимъ молокомъ матернимъ? Но подъ давленіемъ страсти любостяжанія связанные узами природы дѣлаются отъявленными врагами, и вмѣсто ласки и привѣта шлютъ другъ другу брань, обиды и ненависть, когда раздѣляютъ между собою общее наслѣдіе. Нѣтъ священнаго отношенія, какъ отношеніе родителей къ дѣтямъ, и дѣтей къ родителямъ. Но и вѣжное материнское сердце, когда сдавить его тяжелая страсть денеголюбія, перестаетъ биться любовію къ своему порожденію, черствѣетъ и засушается. Но и сыновнее почтеніе, вложенное въ душу самою природою, часто исчезаетъ, когда страсть къ стяжаніямъ встрѣчаетъ противодѣйствіе въ волѣ родительской.

Хотите ли видѣть еще яснѣе вредоносную силу любостяжанія? Посмотрите на избитые пути порока, на которыхъ собрано отребіе человѣчества, и на которыхъ правосудіе строго преслѣдуетъ виновныхъ нарушителей закона и общественнаго

спокойствія. Что увлекло въ эту бездну людей, прежде бывшихъ невинными? Что сдѣлало ихъ нетерпимыми въ благоустроенномъ обществѣ? Не любостыжаніе ли? Откуда разные виды татбы? Откуда разбои и грабительства? Откуда святотатства? Откуда большая часть смертоубійствъ? Не изъ этой ли страсти? И что въ обыкновенномъ быту болѣе всего угрожаетъ нашей безопасности, если не дикіе разливы хищнической страсти, овладѣвшей испорченною волею? Не будь сдерживающей варты закона, отъ напора этой страсти рушился бы порядокъ общественный, ограждающій наши права и нашу собственность. А если бы изгнана была она изъ сердца человѣческаго, опустѣли бы наши тюрьмы, меньше дѣла было бы карающему правосудію. Большинство тѣхъ людей, которыхъ вы видите въ узакъ, которыхъ заключаютъ въ темницы, которыхъ удаляютъ въ ссылку отъ общества человѣческаго, доведено было до этого жалкаго жребія тѣмъ, что темная страсть вынуждала ихъ посягать на чужое добро и пріобрѣтать его путемъ беззаконія. Не одна бѣдность, не одно невѣжество попадаетъ на эти пути. На нихъ встрѣчаетъ правосудіе, вмѣстѣ съ людьми, доведенными до порока нуждою и грубостію, и людей, защищенныхъ просвѣщеніемъ отъ грубаго разлива страсти, и не къ чести нашего времени, при возбужденномъ стремленіи къ быстрому обогащенію, подобныя явленія довольно часто стали поражать взоръ наблюдателя. Печатная молва не перестаетъ разносить по свѣту разятельныя извѣстія о крупныхъ хищеніяхъ, совершаемыхъ людьми, принадлежащими къ кругамъ, не лишеннымъ образованія, или о злодѣянιάхъ, совершенныхъ изъ корысти, и доводящихъ до сѣмьи подсудимыхъ видныхъ представителей общества. Въ бездну порока, въ тяжкимъ преступленіямъ увлекаются страстію люди не одной низкой доли, но и высокаго положенія, ущедренные всѣми дарами счастья. Припомните исторію Іезавели, супруги израиль-

оваго царя Ахаава. Что заставило ее убить Навуою, рѣшиться на преступленіе, наиболѣе ненавистное и страшное? Навуою имѣлъ виноградникъ, смежный съ домомъ Ахаава, и ни обмѣномъ, ни продажею не хотѣлъ уступить царю наслѣдія своихъ предковъ, и Іезавель рѣшается извести несчастнаго, чтобы завладѣть его наслѣдіемъ... *Лють звѣрь есть корыстолюбіе (говорилъ когда-то св. Іоаннъ Златоустъ): отсюда гробокопатели, отсюда мужеубійцы; отсюда рати и брани, и какое зло ни назовешь, отсюда оно...» Еще прежде св. Іоанна Златоуста, св. Апостоль Павелъ въ сребролюбіи указывалъ корень всякаго зла (1 Тим. VI, 10). Исторгниите изъ сердца этотъ корень, не будетъ на землѣ тѣхъ золь, какими нынѣ полна она, и какія дѣлаютъ изъ нея мѣсто изгнанія и отверженія.

Мы можемъ спокойно думать и говорить о губительной силѣ любостяжанія. Нами не возобладала она до такой степени, чтобы увлечь насъ на пути порока, преслѣдуемаго закономъ. Возблагодаримъ за это Господа. Но будемъ помнить, что каждая лепта, полученная нами не за труды, а взятая у ближняго обманомъ или вымогательствомъ, уже будетъ склонять вѣсы правды Божіей на сторону нашего осужденія, и будетъ свидѣтельствовать противъ насъ на нелицепріятномъ судѣ Божіемъ. Будемъ помнить, что каждая ссора, начатая изъ-за имѣнія, каждая обида, нанесенная брату нашему по требованію нашихъ корыстныхъ видовъ, кладетъ пятно на наше имя, и показываетъ намъ, что мы не свободны совершенно отъ дѣйствія страсти.

Мы далеки отъ той бездны, въ которую увлекала и увлекаетъ людей несчастныхъ губительная страсть. Но не забудемъ, что тѣ, которыхъ любостяжаніе довело до преступленій, преслѣдуемыхъ и наказываемыхъ закономъ, когда-то были людьми чистыми и невинными. И для нихъ пороки и преступленіе были страшны и ненавистны. Но увлеченные водоворотомъ

страсти, они сами не замѣтили, какъ, сбившись съ честнаго пути, очутились въ непроходимыхъ дебряхъ и сдѣлались людьми несчастными, какъ называетъ нашъ народъ подпашихъ карѣ правосудія. И Иуда не былъ искони злодѣемъ. Въ его душѣ много было добрыхъ началъ: иначе Господь не приблизилъ бы его къ себѣ, не сдѣлалъ бы однимъ изъ избранныхъ, которымъ Онъ повѣрялъ тайны царствія Божія. Но страсти любостязанія, гиѣздившаяся въ его сердцѣ, убила въ немъ добрыя сѣмена добродѣтели, и въ короткое время довела до пропасти, изъ которой онъ уже не могъ сдѣлать возврата на путь спасенія. Итакъ *миліся стояти блюдется, да не падеть*:

Мы далеки отъ бездны, въ которую низвергло многихъ любостязаніе. Но на насъ лежитъ долгъ не себя только охранять отъ опасныхъ и гибельныхъ путей, но и людей будущаго, то юное поколѣніе, которое мы должны воспитать для царствія Божія. Оно возрастаетъ подъ нашимъ вліяніемъ, учится жить по нашимъ примѣрамъ и нашимъ понятіямъ. Если мы въ его глазахъ будемъ придавать преувеличенное значеніе внѣшнему богатству, въ немъ будемъ полагать главное благо человѣка, если на немъ будетъ сосредоточивать вниманіе молодыхъ воспримчивыхъ душъ, мы тѣмъ самымъ будемъ разжигать въ нихъ страсть къ приобрѣтеніямъ, и какъ бы толкать ихъ на путь, усѣянный колючими преткновеніями и соблазнами. При мысли о порчѣ юныхъ душъ, раздражаемыхъ порывами любостязательной страсти, не нужно бояться только грубыхъ злодѣяній. И мелкія заботы и неправды, навѣваемые духомъ корысти, взаимныя пререканія и обиды изъ-за денежныхъ выгодъ, погруженіе въ матеріальные интересы, наемничій трудъ изъ-за денегъ, и только изъ-за денегъ, — надломлять ихъ крѣпость, подавать въ нихъ возвышенныя стремленія, и изъ нихъ образуется поколѣніе безъ силъ

духа, безъ вѣры въ идеалы, безъ одушевленія святыми нача-
лами, вложенными въ нашу безсмертную душу.

Есть одно великое пріобрѣтеніе, которое можетъ предо-
хранить насъ отъ тѣхъ опасныхъ путей, о которыхъ такъ
долго мы разсуждали съ вами. Это великое пріобрѣтеніе ука-
зываетъ св. Апостолъ, какъ противодѣйствіе тѣмъ напастямъ,
въ какія увлекаетъ людей страсть къ стяжаніямъ. Оно со-
стоитъ въ томъ, чтобы быть благочестивыми и довольными
тѣмъ, что мы имѣемъ (1 Тим. VI, 6). Если хотимъ быть
счастливыми и покойными, со всею стремительностію погонимся
за этимъ пріобрѣтеніемъ, и на него не перестанемъ указывать
тѣмъ людямъ, благо и счастье которыхъ близко нашему сердцу.
Аминь.

В. Пшоникій.

